

Не надо goodbye

Заккрытие Америки отменяется

Александр Кабаков |



CAMPBELL SOUP Энди Уорхола —
концентрированный вкус Америки
в искусстве

СРЕДИ МИФОВ, свойственных нашему народному сознанию, едва ли не главные — мифы о национальных характерах. Немец — аккуратный, трудолюбивый, скупой и послушный власти, француз — легкомысленный и артистичный, итальянец — веселый... И, конечно, американец — энергичный, решительный, помешанный на деньгах и комфорте, а потому опасный.

Во времена железного занавеса и холодной войны легенда об Америке, населенной миллионерами, гангстерами, угнетенными неграми и еще какой-то прогрессивной общественностью, укреплялась полным отсутствием информации о реальной жизни в Штатах и антиамериканской пропагандой, обличающей поджигателей войны и расистов. При этом, как водится, население посмеивалось над самим собой — в диапазоне от фразы-анекдота «а у вас негров вешают» до диалога Ефремова—Дорониной в «Трех тополях на Плющихе»: «А в Америке страшно? — Стра-а-шно!». Но все равно пользовалось в качестве источника сведений о заокеанской цивилизации фельетонами в журнале «Крокодил», в которых

буржуи напивались допьяна кока-колой и ездили в лимузинах, слышавшихся советскому уху как «лимуЗИМы».

В то же время более просвещенная и потому скептически настроенная по отношению к официозному антиамериканизму часть советского общества верила в другие, собственные мифы об Америке — столь же не имеющие отношения к действительности. Для меня и моих друзей существовала исключительно Америка джаза и Сэлинджера, джинсов и Фолкнера, абстракционистов и Голливуда...

И вот все переменялось почти мгновенно. Америка из «потенциального противника» превратилась в «контрпартинера» — потрясающее филологическое изобретение нашего Генштаба постперестроечной эпохи. Многие юные поклонники американской свободы и американского изобилия стали зрелыми общественно-политическими деятелями либерального направления, уверенными в том, что РФ можно построить как полную копию США, и постоянно изумляющимися тем, что Россия не строится, а попыткам ее построить пассивно сопротивляется. Те, кто недавно исключал стилинг-штатников из

комсомола за ношение джинсов, сначала надели их сами, потом принялись ими торговать, потом закурили сигары и расселись по лимузинам, вполне воспроизводя «крокодилские» карикатуры Бориса Ефимова (как он прекрасно рисовал буржуйские ботинки!).... А простые люди окончательно убедились в том, что прежние их представления об Америке были правильными. Потому что в России, почти помилившейся со Штатами, население тоже разделилось на миллионеров, гангстеров и угнетенных негров, в качестве которых выступили сами простые люди. В той Америке, которую устроили мы, оказалось действительно страшно.

Но и сама Америка не стояла на месте. Примерно тогда же, когда у нас бушевала перестройка, там начала свирепствовать политкорректность. Не стану расписывать ее прелести, они всем известны. В России всеамериканское торжество этой идеологии произвело действие, которого следовало ожидать: те, кто считал американское устройство жизни безусловным образцом, жестоко и решительно разочаровались. В политкорректности они — честнее будет «мы» — не без оснований увидели чуть более симпатичный извод ненавистного совка. Очень быстро сформировался новый образ Америки, зафиксированный в анекдоте о следующем ее президенте — афроамериканка-инвалид левых взглядов и лесбийской ориентации. Жизнь вроде бы кое-что из этого набора реализовала... И расцвело новое мифотворчество, создающее образ слабой, скучной, одновременно слишком благонаправной и бессовестно алчной Америки, навсегда растерявшей 11 сентября, почти сдавшей под натиском тех, кого раньше она обзывала лузерами. А тут подоспел и кризис, который устроила, конечно, Америка. Наши средства массовой информации, как всегда охотно, включились в сочинение сказок для про-